

СМЫСЛОВАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ОБРАЗА МОСКВЫ В ЦИКЛЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «СТИХИ О МОСКВЕ»

Т. В. Желтикова, Э. А. Радь

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 15 февраля 2024 г.

Аннотация: в настоящей статье впервые рассматриваются художественно-игровой и библейский смысловые уровни образа Москвы в цикле «Стихи о Москве» М. И. Цветаевой. Сложность пространственно-смысловой организации города в нескольких стихотворениях цикла выступает способом художественного воплощения и осмысления многоголосия мира.

Ключевые слова: Цветаева, Москва, многоголосие мира, звучащая жизнь, художественная игра, небесное и земное, сюжет о блудном сыне.

Abstract: this article for the first time examines the artistic, playful and biblical semantic levels of the image of Moscow in the cycle «Poems about Moscow» by M. I. Tsvetaeva. The complexity of the spatial and semantic organization of the city in several poems of the cycle acts as a way of artistic embodiment and comprehension of the polyphony of the world.

Keywords: Tsvetaeva, Moscow, polyphony of the world, sounding life, artistic play, heavenly and earthly, the story of the prodigal son.

Москва в художественном мире М. И. Цветаевой — ключевой образ города, составляющий основу автобиографического мифа. Об этом не раз писали литературоведы и современники поэта, такие как Д. П. Святополк-Мирский [1, 78–79], Н. А. Струве [2, 150–153], О. В. Анисимов [3, 5–16], М. Павлова [4, 6–12]. Неразрывная связь поэта с Москвой, удивительный характер взаимоотношений охарактеризованы и А. А. Саакянц: «Цветаева оставила нам не просто свою Москву, а саму себя в Москве, неотторжимую от нее, олицетворив себя — в городе, а город — в себе» [5]. Истоки такого сближения и даже метафорического объединения поэта и горячо любимой Москвы в художественном мире лирических произведений М. И. Цветаевой обнаруживаются в истории жизни и глубинном личном само- и мироощущении. Автор цикла «Стихи о Москве» (1916), рожденная в столице и большую часть детства прожившая там, восприняла данную пространственную реальность как прочно связанную с историей и духовными христианскими основами родной страны, как Дом, гармония которого вдохновляет на создание поэтических произведений. Столь желанное предсмертное возвращение М. И. Цветаевой из эмиграции в Москву (1939) также показывает неразрывную связь поэта со своим городом, жизненно важную моральную потребность в обретении Дома после долгой разлуки с ним.

Гармоническая двойственность, характерная для натуры М. И. Цветаевой, находит выражение в соединении личного и творческого начал в судьбе поэта и показывает сложность авторского мировосприя-

тия. В цветаевских лирических произведениях, в том числе посвященных родной Москве, неслучайно возникает образная смысловая многоплановость. Она становится для поэта наиболее точным, глубинным способом художественного воплощения и осмысления «многоголосия мира, его стихийности и неоднозначности» [6, 46], тогда как художественный текст вообще, как пишет Ю. М. Лотман, «можно рассматривать как текст многократно закодированный» [7, 69].

Нам представляется очевидной смысловая многоплановость образа Москвы в цикле «Стихи о Москве». Существующий в современном литературоведении вопрос о неоднозначности интерпретации мифопоэтических контекстов названного цикла ([8–9]) требует обратить исследовательский интерес в область анализа смысловой структуры образа города. Новизна нашего исследования как раз и состоит в выявлении в смысловой структуре образа города в «Стихах о Москве» М. И. Цветаевой роли игрового компонента, в представлении анализа зашифрованного сюжета блудного сына в третьем и восьмом стихотворениях цикла. Подчеркнем, что указанные аспекты смысловой многоплановости являются частью единой оппозиции «земное — небесное» («мирское — божественное»), реализуемой во всех девяти текстах «Стихов о Москве».

Обозначенное выше антитетическое смысловое отношение в процессе развития лирического сюжета всего цикла, как может показаться, утрачивает свое противопоставляющее значение посредством претворения игровой ситуации, участия в ней и мирских, и божественных субъектов и объектов. Художественное сознание М. И. Цветаевой тяготеет к гармонии,

поэтому ее лирические тексты полны животворящей искренности (например, смеховой), способной разрушить традиционные границы между сакральными явлениями и вещами земного порядка, при этом поэт сохраняет действительно значимое ценностное различие подобных предметов изображения.

Так, в «Стихах о Москве» столица предстает абсолютно гармоничным нерасторжимым целым не лишенной человеческих страстей мирской власти и благой православной вести: «Пока они [колокола] гремят из синева — / Неоспоримо первенство Москвы. / — И целых сорок сороков церквей / Смеются над гордынею царей!» [10, 271]. Эти два явления, казалось бы, разного порядка настолько сближаются М. И. Цветаевой, что приобретают способность взаимодействовать на смеховом уровне, сокращающем противопоставляющую дистанцию между ними (см. последние две процитированные строки стихотворения). При этом, безусловно, адресантом иронической оценки выступают именно образы колоколов, «сорок сороков церквей», пространственно-физически и духовно довлеющие над царями («Но выше вас, цари: колокола» [10, 271]), отвергнувшими Богом хранимый город. В художественной игровой форме происходит действительно звучащее божественное наставление им, властям предрежающим, даже напоминающее порицающее внушение в начале и середине лирического произведения: «колокольный гром», «гремучий опрокинутый прибой», «они [колокола] гремят» [10, 271]. Созданные М. И. Цветаевой слуховые динамические образы повышенной звучности невидимо заполняют собой все московское пространство. Так, небесное присутствие действительно абсолютизируется: колокола, будучи одновременно зрительным и звуковым образом, устремляются вверх, тогда как их музыка распространяется во всех направлениях. Отметим, что стремление передать звучащую жизнь характерно как для всего творчества М. И. Цветаевой, ее художественного сознания вообще ([11–12]), так и в особенности для тех стихотворений поэта, в которых центральным образом является Москва (см.: [13]).

На мотивах игры строится и третий текст рассматриваемого цикла («Мимо ночных башен...»). Звучащее в нем «озорство» [10, 270] в некоторой степени объясняется атмосферой греховной ночи, где все действия многократно ускоряются или интенсифицируются: «Площади нас мчат», «Греми, громкое сердце!» [10, 269–270]. В последней строфе происходит покаяние, оно символизируется зажженной свечой. Так, пространство Москвы вмещает в себя и побеждающий божественный свет («Иверская горит» [10, 270]), и темноту, в которой проявляет себя греховное озорство. Здесь игра, хотя и противопоставляется святым ценностям, существует с ними в едином семиотическом поле. Свет Иверской ярче виден в темноте, указывая праведный путь заблудшим «странникам», блудным детям, совершившим

грех. В этом стихотворении реализован первый ряд коннотативных смыслов определения «блудный» в творчестве М. И. Цветаевой (см.: [14]). Он репрезентирован «темой запретной любви, греха и бунта» [14, 39]: «Жарко целуй, любовь!» [10, 270].

Изображение восстановления парадоксальной гармонии греховного и божественного, мирского и небесного начал в московском пространстве находим в восьмом стихотворении цикла «Москва! Какой огромный...». Взаимообусловленные феномены Храма и Дома одновременно способствуют расширению пространства города до пределов вселенной и сужению его до границ человеческого пристанища, приюта. В данном цветаевском тексте выражена сложная природа отношений человека и Бога.

Уже в названии и первой строфе стихотворения воссоздается полная противоречий модель мира и человеческого бытия. Христианский мотив странничества, не предполагающий развития в сюжете обретения Дома на земле, осмысливается через конкретизацию образа мирского жизненного пути, сквозь призму явных смысловых интонаций поиска истины, обретения святой правды в поле национальной религиозной жизни (неслучайно в данном контексте использование автором окрашенного историко-культурными ассоциациями слова «Русь»): «Москва! Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси — бездомный. / Мы все к тебе придем» [10, 273]. Наделение в московском (= русском) пространстве всякого человека чертами вечного правдоискателя сближает его со странником, но не прямо православно-каноническим, а лишь метафорически библейским (речь идет именно о человеке, изгнанном Богом из рая в далекие ветхозаветные времена за грехопадение и теперь самостоятельно идущем по пути жизни, полной искушений).

Отсюда проистекает то, что человек жаждет вновь найти гармонию в мире с Богом, войти в его Дом-Храм, который в земной реальности является лишь вполне конкретным и понятным (для того, кто включен в контекст русской православной культуры) местом принесения покаяния в грехах, совершенных на тернистом жизненном пути: «Клеймо позорит плечи, / За голенищем — нож. / Издалека-далече — / Ты всё же позовешь» [10, 273]. Характерно, что в цветаевском тексте акт прикосновения к святому в мире людей совершается в подчеркнуто ограниченном пространстве церкви-храма-дома («Куда народ валит, — / Там Иверское сердце, / Червонное, горит» [10, 273]). Впечатливший же лирическую героиню «странноприимный дом» Москва огромен и олицетворяет райский приют, куда прощенные блудные сыновья возвращаются после странствий земной жизни («Мы все к тебе придем» [10, 273]).

Отметим, что М. И. Цветаева на подтекстовом уровне не только объединяет сюжеты ветхозаветный (изгнание первых людей из рая) и новозавет-

ный (о блудном сыне), но и одухотворяет любимую Москву, на метаязыковом уровне сравнивая город с самим Богом-отцом, с его небесным домом. Дейктическая отсылка «к тебе» [10, 273], наблюдаемая в четвертой строке первой строфы рассматриваемого стихотворения, возвращает нас к предыдущему контексту, в котором мы не находим одушевленных имен существительных, тогда как только они могли бы с грамматической точки зрения быть словами-субъектами, заменяемыми на данное личное местоимение. Синтаксическая конструкция с субстантивом «Русь» («Всяк на Руси [сейчас или же всегда] — бездомный» [10, 33]) не соотносится по категории времени с «Мы все к тебе придем [в будущем]» [10, 273], поэтому отсылка указывает именно на «странноприимный дом» Москву [10, 273]. Самим же местоимением «ты» очень часто в евангелических текстах именуется Бог-отец, например: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

Как мы видим, Москва в творчестве М. И. Цветаевой может осмысляться через взаимопроникающие категории «дом» и «храм». Они пространственно организуют образ города, расширяя его до пределов непознаваемой божественной широты на контрасте с вполне реальными границами земной церкви. Москва становится святым местом, где Бог-отец дарует прощение своим греховным блудным детям. Так происходит временное/вечное (церковь/рай) восстановление изначальной гармонии бытия.

Таким образом, поэтическая концепция образа Москвы в цикле М. И. Цветаевой «Стихи о Москве» репрезентирована смысловой многоплановостью, позволяющей увидеть истоки общечеловеческой и русской национальной духовной жизни, понять гармоническую сущность художественного мышления поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Святополк-Мирский Д. П. Современное состояние русской поэзии. Марина Цветаева / Д. П. Святополк-Мирский // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 1. 1910–1941 гг. Родство и чуждость. — М., 2003. — С. 78–79.
2. Струве Г. Рец.: Марина Цветаева. Ремесло: Книга стихов / Г. Струве // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 1. 1910–1941 гг. Родство и чуждость. — М., 2003. — С. 150–153.

Уфимский университет науки и технологий (Стерлитамакский филиал)

Желтикова Т. В., магистрант

E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

Радь Э. А., доктор филологических наук, профессор

E-mail: elza_rad@mail.ru

3. Анисимов О. Марина Цветаева / О. Анисимов // Марина Цветаева в критике современников: в 2 ч. Ч. 2. 1942–1987 гг. Обреченность на время. — М., 2003. — С. 5–16.

4. Павлова М. Ахматова и Цветаева: Петербург и Москва / М. Павлова // Литература. — 2001. — № 9. — С. 6–12.

5. Саакянц А. А. Три Москвы Марины Цветаевой: вступ. ст. / А. А. Саакянц // Цветаева М. И. «Поклонись Москве...»: Поэзия; Проза; Дневники; Письма. — М., 1989. — Режим доступа: <https://lul.su/SRN> (дата обращения: 28.01.2024).

6. Радь Э. А. Авторская стратегия смыслового углубления в поэме М. И. Цветаевой «Крысолов» / Э. А. Радь, Д. С. Яковлева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 2. — С. 46–51. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-strategiya-smyslovogo-uglubleniya-v-poeme-m-i-tsvetaevoy-krysolov> (дата обращения: 28.01.2024).

7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М., 1970. — 384 с.

8. Ибатуллина Г. М. Аполлоническое и дионисийское в стихотворении М. Цветаевой «Семь холмов — как семь колоколов» / Г. М. Ибатуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Т. 13. — 2020. — Выпуск 1. — С. 23–27.

9. Нуриева В. М. Аполлоническое и дионисийское в цикле М. Цветаевой «Стихи о Москве» / В. М. Нуриева // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2021. — № 6. — С. 1281–1288. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apollonicheskoe-i-dionisiyskoe-v-tsikle-m-tsvetaevoy-stihi-o-moskve> (дата обращения: 28.01.2024).

10. Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Кн. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина / М. И. Цветаева — М., 1997.

11. Айзенштейн Е. О. Построен на созвучьях мир...: Звуковая стихия М. Цветаевой / Е. О. Айзенштейн // СПб., 2000.

12. Акбашева А. С. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой / А. С. Акбашева, Э. А. Радь. — Стерлитамак, 2017.

13. Ничипоров И. Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава / И. Б. Ничипоров // Вестник Московского университета. Филология. — 2003. — № 3. — С. 58–71. — Режим доступа: https://portal-slovo.ru/philology/37223.php?ELEMENT_ID=37223&PAGEN_1=3 (дата обращения: 28.01.2024).

14. Радь Э. А. Коннотации определения «блудный» в жизни и творчестве М. Цветаевой / Э. А. Радь // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2017. — № 1. — С. 38–43.

Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak Branch)

Zheltikova T. V., Graduate Student

E-mail: zheltikovatat@yandex.ru

Rad E. A., Doctor of Philology, Professor

E-mail: elza_rad@mail.ru